

Из плена времени, из пыли архивов

Category: Kitapcy, Söhbetdeşlik

написано kitapcy | 23 января, 2025

Из плена времени, из пыли архивов ИЗ ПЛЕНА ВРЕМЕНИ, ИЗ ПЫЛИ АРХИВОВ

● У них на всех – одна дата крушения судьбы: 1937-й

Испытанные большевики, первопроходцы новой жизни, стоявшие у колыбели республики, в тот трагический для страны год они разделили участь многих, объявленных «врагами народа».

Спустя полвека биографии верных сынов Родины – полностью реабилитированных, как того и требует справедливость, – встают из плена времени, из пыли архивов. Ряд таких обжигающих драматизмом судеб воссоздал в своих очерках писатель А.Чуриев. Они вошли в книгу «Память сердца», выпущенную два года назад издательством «Магарыф». Сейчас к печати готовится ее продолжение – «По велению сердца».

Корреспондент Туркмениформа встретился с писателем и побеседовал с ним в его кропотливой работе, вызывающий общественный резонанс.

– Аллаяр, что стало отправной точкой вашего поиска?

– Честно говоря, всегда получал истинное журналистское, писательское счастье от «копания» в библиотечных фондах, работы в архивах. Наверное. В нашей профессии необходимо общение с документом – свидетелем невыдуманных жизненных коллизий, благородства одних и низости других, тогда в 1980-м, я собирал материал о первом туркменском публицисте Мухамедкули Атабаеве. Это был человек яркого литературного дара и большого общественного темперамента, высокоинтеллигентный, хотя образование его исчерпывалось одним классом русско-туземской школы и еще четырем годами учебы в Ташкентской семинарии. Собственно, двигал мною скорее интерес к Атабаеву как

зачинателю боевого жанра публицистики. Уже в 1914 году в «Закаспийской туземной газете» он публиковал зажигательные статьи, призывавшие туркмен учиться, овладевать культурой, бороться с калымом, многоженством. Потянув за ниточку его судьбы, я неожиданно для себя самого вышел на судьбы других замечательных людей, жизни которых трагически оборвались в годы репрессий. Прикоснувшись к ним, почувствовал, что отныне не могу, не имею права не рассказать об этих людях. Сегодня это наш общий долг перед оклеветанными, невинно погибшими и зачастую забытыми сыновьями Отечества.

– Какие, если говорить о наиболее ярких, фигуры открылись вам в ходе поиске?

– У Мухамедкули Атабаева, как выяснилось, было два брата, с именами которых тоже многое связано в истории нашей республики. Хаджи Атабаев был первым туркменом, который с государственной миссией побывал в Америке в 1926 году. В составе делегации Советской страны он по поручению правительства четыре месяца находился на заводе, выпускавшем знаменитые тогда тракторы «Фордзон». Ведь надо было набираться опыта организации промышленности, развития машиностроения, сельского хозяйства. И Хаджи действительно немало сделал на высоких постах в наркоматах земледелия, водного хозяйства. После ареста трагическая участь постигла всех членов его семьи. Овезгельды Атабаев был постоянным представителем Туркменской республики в Москве, затем заместителем наркома легкой промышленности. По стандартному обвинению был осужден, 10 лет провел в лагерях, а освободившись, вскоре попал под вторую послевоенную волну репрессий. Как видите, в истории этой семьи, словно в капле воды, отражено само время, вырубавшее под корень целые семьи, нанесшее столь огромный урон народу. Как бы ни было горько и больно, мы его должны осмыслить. К этому побуждают судьбы и других замечательных людей, которые мне по крупицам удалось восстановить: первого секретаря ЦК Анна Мухамедова, председателя ЦИК Недирбая Айтакова, наркомов Бяшима Перенглиева, Батыра Атаева

ответственного работника Президиума Верховного Совета СССР Бяшима Гулбешерова... По свидетельству профессора Анны Ашировны Ашировой – жены репрессированного председателя ЦКК, наркома соцобеспечения Г. Кулиева, только в октябре 1937 года были арестованы несколько наркомов... Прощаясь с близкими. Кулиев сказал: «Я чист перед партией». Эти слова мог о себе сказать каждый, кто в те октябрьские ночи уходил безвестность.

– В чем вы, в данном случае как очеркист-документалист, ощущаете завоевания гласности?

– Мне есть с чем сравнивать. Напомню, работа началась в 1980 году. На многих темах еще лежала печать запрета. О многих поворотах в биографиях моих героев приходилось писать осторожно, завуалировано, обрывая себя на полуслове. Вот почему к ряду очерков я хочу вернуться – дополнить их фактами и сведениями, которые еще восемь лет назад ни в газету, ни в книгу не «приводили». Сегодня ничто не мешает говорить всю правду до конца. Это окрыляет. Однако и сегодня, несмотря на ряд соответствующих документов, двери архивных сейфов открываются всё еще тяжело, с большим скрипом, несмотря на ряд соответствующих документов, дающих более широкий и свободный доступ исследователей к хранящимся материалам. Процедура получения разрешения на работу с хранящимися там материалами усложнена многомесячными бюрократическими проволочками. Порой какие-то документы легче получить в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в Москве, чем в его филиале в Ашхабаде. Не налажено пока предоставление такой услуги, как снятие ксерокопии.

Справедливости ради надо сказать, что отчасти это происходит оттого, что наш брат – литератор мало тормозит архивистов, редко пускается в документальный поиск, хотя время зовет к тому, чтобы заполнить «белые пятна» истории. Как я убедился, многих папок с материалами об интереснейших личностях еще не касалась рука исследователя. В частности, мною впервые опубликованы некоторые документы, связанные с деятельностью Кайгысыз Атабаева, Николая Паскуцкого и других...

Не воспользовались мы и еще одной стороной гласности. Почему бы именами безвинно погибших людей не назвать новые улицы, школы, колхозы и совхозы.

– Пишут много, и это еще раз говорит, что тема – в фокусе общественного внимания. После очерка о первом вожаке комсомольцев республики Чары Веллекове одна из читательниц подсказала адрес живущего в Сочи сына репрессированного патриота. У него тоже нелегко складывалась жизнь: чтобы избежать тяжкой участи сына «врага народа». Чарыэзизу пришлось даже взять другое имя... Учитель из села Яраджи Бахарденского района рассказывает об односельчанине Мамеде Курбанове (его имя носит местная школа) и просит о нем написать. Читателя из Теджена публикации навели на размышления об облике партийца. Но есть и такие, кому не по нутру правда о злодеяниях. Когда я работал над очерком о видном деятеле партии Х.Сахатмурадове, его двоюродный брат кандидат педагогических наук ныне пенсионер Г. Аманмурадов рассказал, что после его ареста в местечке Кеши, где они жили, проходили собрания, по указке сверху клеймившие большевика. И нашлись подленькие, низкие люди, которые, выслуживаясь, топили на этих собраниях и других ни в чем не повинных людей. После этого было арестовано более ста жителей Кеши. В очерке опубликованном в еженедельнике «Эдебият ве сунгат», я, имея на то веские доказательства, обнародовал имена доносчиков. После этого мне пришлось выдержать ярую, вплоть до угроз, атаку тех, кто очень хотел бы утаить правду. Я же решил, что лучшим ответом злопыхателям будет встреча с кешинскими старожилками – очевидцами тех беззаконий. И такая встреча в редакции состоялась. Поддерживаю известного писателя Бориса Олейника, сказавшего на XIX Всесоюзной партконференции, что народ должен знать имена героев, но и доносчиков всех мастей и рангов. «Засветив» имена «стукачей» прошлого, мы нанесем превентивный удар и по тем, кто еще только собирается взяться за это предприятие. Верно, на мой взгляд, сказано.

– Какой нравственный заряд для сегодняшнего, завтрашнего дня

вы видите в обращении к прошлому?

– Чистота, честность, убежденность и вера – наши идеалы на все времена. Обращение к личностям большевиков-ленинцев помогает эти идеалы, как сказал поэт, «сиять заставить заново». Примечательно – как молоды были те, кто стоял у руководства республикой: 30-35 лет. Сколько замечательных человеческих черт было, например, у председателя Совнаркома ТССР Кайгысыза Атабаева. Ни в чем он правдой, не поступался ни на йоту. Ни в одной его автобиографии не упущен, например, факт его принадлежности в свое время к левым эсэрам. В нем не было никакого высокомерия, комчванства. Когда на прием приходили люди из аула, он садился с ними по туркменский на пол, и разговаривал с ними по душам шел за пиалой чая. В конце дня он диктовал стенографистке план на завтра. Как правило, не меньше из 40 пунктов: «поговорить», «принять», «узнать о стипендиях туркменским студентам в Москве», «поинтересоваться делами киностудии», «предложить московским композиторам написать о Туркмении». Часто выходило, что приступал к плану на завтра Атабаев уже поздно вечером. Нам, взявшимся за перестройку, надо учиться у этих людей.

Специально для «Туркменской искры»

10. 11. 1988 год. Söhbetdeşlik